

Стало общим местом говорить об усиливающемся интересе к советскому периоду отечественной литературы. В этом есть, конечно же, важный аспект восстановления справедливости. Период поголовного выкорчевывания всего советского, будем надеяться, пройден. Эмоций и истерики ушли в прошлое, и теперь возможно адекватное восприятие. Наглядней всего интерес к этой литературе представлен через серию ЖЗЛ: Прилепин написал о Леонове, Шаргунов о Катаеве, Авченко о Фадееве (в соавторстве с филологом Алексеем Коровашко пишет биографию Олега Куваева).

Важно, что восстановителями этой справедливости являются представители литературного поколения, ухватившего две реальности: юность в советской стране, период становления – жизнь на разломе, и активная деятельность пришлась на нулевые – тучные годы новой России.

Но говорить здесь мы будем о другом восприятии «советского», которое сейчас начинает превалировать, в том числе и в литературе.

«Советское» как символ чрезмерной идеологизации, когда литературное произведение мыслится художественным развертыванием главенствующих общественных трендов – линии партии и правительства. Это определенное прокрустово ложе, под эталоны которого подгоняется литература, и во время этой подгонки из нее исходит жизнь.

Такое восприятие советской литературы крайне однобоко и ложно. Оно также является следствием идеологической, политической борьбы.

Однако оно до сих пор в ходу и приписывает этой литературе характеристики кондовости, искусственности и предельной выхолощенности в угоду идеологии. Надо ли говорить, что все сложнее и при реалистическом взгляде на тех самых советских писателей можно увидеть в них многим большее и удивиться: как такое могло быть?! Как допустили подобное к печати в ситуации всесилья и произвола цензуры?.. Сам задавался таким вопросом, когда, к примеру, читал рассказы Федора Абрамова.

Между тем в новой книге литературоведа Владимира Новикова «Литературные медиаперсоны XX века» настойчиво проводится мысль о разделении отечественной литературы на «советскую» и «русскую». Условно говоря, первая явила все плохое, это тупиковая и искусственная ветвь литературной эволюции, а вторая, даже в советские годы, продолжала развивать все хорошее.

Так получилось, что именно литературные нулевые были свободны от идеологических пут. Еще Сергей Шаргунов в своем раннем манифесте «Отрицание траура» говорил о необходимости сбросить «идеологические кандалы».

«Явился новый контекст, в котором писатель далек от предвзятости и идейной брони», – писал он в 2001 году. Кандалы были сброшены, но это касалось художественного произведения, сам автор не остался беспристрастным и прохладным. Его гражданственность не сошла на нет, но реализовывалась в публицистике и не делала литературу идеологическим манифестом. Произведение получило свободу, оно стало жить.

Тогда многие удивлялись тому, что новые молодые авторы отменили устоявшееся идеологическое разделение и могли публиковаться хоть в журнале «Наш современник», газете «Завтра», хоть в журналах «Новый мир» и «Октябрь». И это было не всеядность, а именно преодоление и отрицание ветхих риз разделения литературы по идеологическим признакам, а значит, и попадания литературы в жесткую зависимость от идеологии. Вроде бы курьез, но в том числе и представители этого поколения возвращают советскую литературу, показывая и разрушая огромное количество мифов, созданных вокруг нее. И главный вывод этого мифоборства: советская литература не тождественна идеологической. Она намного шире и масштабнее. Это был новый глобальный и щедрый на богатства период отечественной литературы.

Поэтому будет правильнее заменить «советское» на идеологическую литературу.

И вот что мы имеем сейчас.

В обществе создается устойчивое представление о все более жестком цензурировании сферы журналистики. С этим можно поспорить. Все-таки здесь вопрос больше в личной смелости каждого, волевых качествах и способности ради своих определенных идеалов и системы ценностей идти до конца и, возможно, чем-то жертвовать. Это как догматико-идеологическая подчиненность художественного произведения: талантливый автор преодолеет многое, если не все, другой же будет стремиться встроиться в идеологическую схему, раз другого ему не дано.

Представление об отсутствии свободы слова в журналистике присутствует, возможно, в качестве страха ее потерять. В этой сфере действительно большое присутствие государства и его интересов, но, еще раз повторюсь, свою нишу всегда можно найти при желании. При этом существует мнение, что литература остается той сферой, в которую

условное государство со своим диктатом, своей цензурой, идеологией еще не дошагало или она ему не интересна. Поэтому во второй половине второго десятилетия нового века (особенно после украинского майдана и Крыма) стала наблюдаться отчетливая миграция публицистического в литературу, а вместе с ней и идеологии.

Литература вновь становится орудием борьбы, а художественный текст мыслится в качестве проводника той или иной догматической позиции. В условиях такого мобилизационного разделения текст становится изначально детерминированным внехудожественными задачами. Идеологические кандалы возвращаются, причем не по директиве сверху, а по собственному волеизъявлению авторов.

Отметим, что у представителей так называемого «нового реализма» все-таки сохранился иммунитет от идеологического. Мощная прививка от всего того, что удушает художественное произведение, продолжает действовать. Можно как угодно воспринимать публицистику или общественную деятельность Захара Прилепина, но все это не переходит в его прозу, которая остается свободной от какого бы то ни было идеологического посыла, а потому живой и настоящей. Пример «Обители» показателен. И теперь представьте, какой бы мог получиться текст, если бы оправдались ожидания иных о переносе публицистического и идеологического пафоса, например, «Письма товарищу Сталину» на этот роман. То же можно сказать и о книге Сергея Шаргунова «1993». В ней он пытается показать объективную картину того исторического перелома, а не навязать свою концепцию его восприятия. Все это является важной характеристикой литературы, которую условно причисляют к «новому реализму». Это свобода от идеологичности.

Тоннельное мышление

С другой стороны, мы видим четкое следование советским, вернее идеологическим канонам. Только здесь не ритуальные отсылки к классикам марксизма-ленинизма, а другие догматические флажки, по которым определяется идеологически выверенное, правильное. Выстраивается определенный церемониал следования либеральным трендам.

Идеологическое – это определенная предзаданная установка, которая подчиняет себе всю структуру текста, а сам автор превращается в собственного цензора по беспрекословному следованию этим установкам.

Особенно наглядно это представлено в творчестве нобелевского лауреата Светланы Алексиевич. Ее произведения предельно идеологизированы, созданная ими картина подверстывается под идеологическую схему, которая для автора является приоритетной. Мало того, Алексиевич пытается мимикрировать под объективность, используя прием псевдоинтервьюирования, чтобы выдать свое произведение за беспристрастный человеческий документ. Так она поступает, к примеру, в книге «Время секунд хэнд». Для нее важно обличение «красного человека» и советского режима. Она стремится напугать всех тем, что «совок» вновь прорастает, и в этом деле использует любые методы и средства.

В своей книге Алексиевич старается представить некий первородный грех советского государства через судьбы, через рассказы-исповеди людей, причастных к этой цивилизации, и просто случайные

реплики, заполняющие атмосферу времени. Это многоголосье, рассказы разных людей, в том числе и алиби автора, которому важно показать свою бесстрастность. В книге она пишет: «Хочу остаться хладнокровным историком, а не историком с зажженным факелом. Пусть судьей будет время». Но это далеко не так. Автор совсем не бесстрастен, он гиперпристрастен, а людское многоголосье – не что иное, как ловкая манипуляция и подтасовка. Книга Алексиевич – образец тоннельного мышления. В этот тоннель автор силится поместить, подогнать под него все, что возможно. Как итог – потеря такта реальности и собственное погружение в систему идеологических координат. Это она наглядно показывает в своих интервью.

Алексиевич демонстрирует пример крайней идеологической подчиненности литературы. Это она и сама не скрывает, это манифестирует и в названиях книг, и в самом цикле «Голоса утопии», который складывает. Это эталонный пример того, что принято называть «советской литературой». Но правильной будет – идеологической.

Идеологические 3D-очки

Идеология форматирует и само художественное произведение, превращая его в подобие развернутой записи в блоге или публицистической колонки, в которую добавлена сюжетика и герои.

Идеологический текст вписывается в систему опознавания «свой-чужой». Это своеобразные 3D-очки, с помощью которых читатель будет воспринимать текст в нужном идеологическом ключе. Такова, к примеру, книга Дмитрия Глуховского «Текст», которая сразу по выходу была обласкана многими критиками.

Система опознавания «свой-чужой» крайне проста. Главный тезис – здесь ад или прямой путь в ад: «На земле жизнь так организована, чтобы все люди непременно в ад попадали. Особенно в России». Подходы к живописанию ада также стандартны: колючая проволока, которая грозит каждому, произвол представителей силовых структур, а также пропаганда, льющаяся их телевизионного ящика, которая старается сделать этот ад менее заметным.

Книга начинается с описания типичного нескончаемого и однообразного российского пейзажа за окном поезда: ряд елок, «как колючкой обвито, не продерешься». Дальше Ярославский вокзал – продолжение России, а она – будто большая тюрьма, и встречает здесь полицейский, а также лай собак. Все типично и однообразно.

Жизнь в окружении колючей проволоки и ментов. Натянута она и над гаражами совсем близко с материнской квартирой героя. Вся эта проволока будто намекает, что здесь можно только приспособливаться и не выступать. «Систему не перебороть, а зато можно незаметным сделаться, и она про тебя забудет. Надо переждать, перетерпеть», – так учила мать. Вышел из тени, выступил, стал спорить – грехопал в этом раю. Потерял жизнь.

Кстати, вот еще одно сравнение, которым, думается, автор остался доволен: звон водочных бутылок в пакете напомнил ему звук колокольчиков, которые у «гребаной птицы-тройки на хомутах для веселья развешены». Хомут, водка с неизменной колючей проволокой вокруг – основные столпы, определяющие здешнее бытие. Это тоже важный сигнал для своих, который посылается Глуховским. Сигнализирует он

так с кавалерийской прямоотой. Да и правда, с какой стати с «адам» дипломатию разводите...

Или вот еще в контексте этих же идеологических маркеров: телевизор с выключенным звуком напомнил герою аквариум без воды. В нем «рыба торопилась рассказать, как хорошо живет без кислорода. Серега смотрел в рыбку харю, пытался читать вранье по губам» (образ аквариума и рыб использует также Олег Павлов в романе «Асистолия»). У него появляется и аквариум, из которого выпущена вода, – прилавок магазина, как гроб, на исходе советской эпохи).

У Глуховского также, как рыба, «немо вращала выпученными мигалками» машина скорой в ожидании, когда пронесется по Кутузовскому правительственный кортеж. Человеческая жизнь здесь ничего не стоит, и это необходимо в стомиллионный раз подчеркнуть, чтобы быть в своем тренде.

В итоге мы имеем чрезмерно идеологизированную книгу-конструкцию, которая создана по довольно стандартным и избитым лекалам. В этом случае теряется полифоничность произведения, оно начинает тяготеть к однозначности, лозунговости, учительности. Даже если все это представлено не явно.

Идеологическая литература вторична, она оперирует штампами, шаблонами. Это своего рода оттюнингованная «сказка про белого бычка». Она не имеет ничего общего с реализмом, а представляет симулякр реальности. В пределах такой литературы все наиболее злободневные проблемы, актуальные процессы не найдут своего отражения, как и вечные вопросы. На горизонте вновь маячит черная дыра постмодерна...

Памфлет на заданную тему

Сверхзадача книги Игоря Сахновского «Свобода по умолчанию» – обличение современной российской действительности. Вернее, вытекающих из нее последствий, проявившихся в недалеком будущем. Произведение вышло в 2016 году, но с тех пор о нем никто не вспоминает.

Книга написана в жанре близлежащей футурологии. Время действия – конец 20-х годов XXI века. Страна в эти годы, по мысли Сахновского, стала даже не антиутопичной, а эсхатологичной. Ее национальная идея приобрела черты самого крайнего старообрядческого толка и стала формулироваться через понятие конца света. Вся жизнь распределяет по отрезкам от одного ближайшего конца света до другого, как в свое время распределялась по пятилеткам.

Нынешние российские реалии в ближайшем будущем, в версии Сахновского, будут сильно гипертрофированы. Появится «духовный налог», по дорогам по направлению площади Вставания с Колен будут двигаться православные байкеры, за нравственностью будут неусыпно следить соответствующие патрули, в Уголовном кодексе появится статья «за оскорбление чувств электората». Ежемесячно станут отмечать День суверенной православной демократии. Само понятие взятки трансформируется, она будет официально именоваться «народным деловым ресурсом».

Власть будет мощной в силу своей закрытости. При этом каждый раз «со сменой руководителя в стране кардинально менялся государственный строй». Поэтому людям необходимо быть гибкими и патриотичными.

В стране в публичном поле уже не останется явных либералов. Все как один – истовые патриоты, штампующие произведения а-ля «Черная сперма либерализма».

Всего бы этого и хватило на типический памфлет, которые сейчас прогрессивные и насмешливые люди штампуют пачками, но заявка была сделана на художественное произведение. При этом сюжет книги, как и главный герой, получился слишком схематичным, невнятным. Все-таки для смешливого обличения требуется одно, а для художественного другое необходимо, более тонкий, не прямолинейный любовой подход. Живая необходима вода, а не мертвые с душком воды.

Книга Сахновского написана иронично, но при этом совершенно типично и предсказуемо, если не сказать топорно. Картонные герои, непродуманный сюжет с претензиями на интригу нужен автору лишь для того, чтобы озвучить его прикольные фишечки о ситуации, когда все «талдычат о гордости за страну». «Свобода по умолчанию» – пример того, как благие намерения превратились в политический лубок и совершенно выморочное произведение.

Идеологический роман – не онтологичен, он поверхностен. Но он и не предназначен для глубоководных исследований. Это иллюстрация определенной схемы. В этом плане книгу Сахновского многое роднит с романом Дмитрия Быкова «Июнь». Только здесь штампованные представления о современности переносятся не в будущее, а в прошлое, в предвоенное время. Все для того, чтобы провести полный параллелизм и выступить в роли Кассандры.

Быков проповедует и пророчествует. Его пророчество довольно-таки злое, переходящее в кликушество. Недаром и эпиграф к книге взят из блоковской поэмы «Возмездие». Война – Немезида России. Она карает, но в тоже время и избавляет от собственного мучительного существования обитателей изначально порочного Содома. «Эта система, изначально кривая, еще до всякого Октября, могла производить только больные ситуации, в которых правильный выбор отсутствовал», – пишет автор.

Дмитрий Быков – Лева из романа «Санька» Прилепина – все продолжает твердить, про кошмар русской истории и все вопрошает, когда же этот ужас закончится. Сюжет и герои его романа вторичны, они в нагрузку, их роль заключается в том, чтобы выступить в роли свидетелей, подтверждающих прямые аналогии, от которых должна леденеть кровь. Так получается искусственный выморочный текст.

Игра в реконструкцию

Идеологическое произведение – как блогговая запись, однодневка. Оно остается невразумительной безжизненной конструкцией. Такой является роман букеровского лауреата Елены Чижовой «Китаист». Это игра в реконструкцию авторской версии возможного развития истории.

«Китаист» – одно из многочисленных ныне произведений, у которых вполне достаточно прочесть лишь аннотацию. Далее никаких неожиданностей и откровений не будет, лишь вялотекущая тягомотина. Роман-недоразумение. Он вызван на свет лишь желанием прокрутить альтернативную историю, что было бы, если...

Что было бы, если СССР не победил фашистскую Германию?..

Интригующая обертка, сценарий, о возможности которого намекали нам еще со времени развала Союза. Есть манящая приманка, но внутри пустышка. По нынешним временам этого достаточно.

У Чижовой 9 мая 1945 года союзники открыли второй фронт, освободили Европу до границ бывшего СССР. В итоге «черная прерывистая линия, идущая по Уралу, рассекала бывший СССР по вертикали»: на европейской территории – Россия, это территория, оккупированная немцами, за Уралом – остался СССР. Сталин в СССР умер в 1946 году, после него правил Берия, и развенчивать пришлось его культ личности. Перемирие между Россией и СССР было заключено лишь в 1956 году, когда «почти не осталось мужчин призывного возраста». Настоящего мира нет и не предвидится: с одной стороны – разговоры об объединении, а с другой – о войне и захвате. Возникают идеи «четвертного рейха»: ресурсы СССР в соединении с социально-экономическими достижениями России. Такая конструкция истории представлена в «Китаисте».

Эта альтернативная версия достаточно популярна со времен распада СССР. Она использовалась в качестве пропагандистской матрицы. Говорилось, что в альтернативном несоветском развитии событий все бы поголовно пили баварское пиво и стали европейской страной. Никакой зачистки территории от коренного населения не произошло, а все бы жили в мире и цивилизованном благоденствии. Несколько лет назад известный опрос на «Эхо Москвы» поставил под сомнение необходимость обороны Ленинграда, которая привела к гигантским жертвам. Новые идеологи делали все, чтобы приравнять советский строй к фашистскому режиму в Германии. А если нет разницы, то ничего сверхтрагического бы не произошло, и сценарий, представленный в книге Чижовой, вполне себе мог бы и состояться. Тем более что «если сравнить количество невинных жертв, кто – СССР или Новая Россия – окажется впереди?» Да и немцы в романе захватили полстраны лишь благодаря тому, что у самих русских развернулась гражданская война.

Немецкая Россия достигла «впечатляющих успехов в народном хозяйстве». С другой стороны, в чижовском СССР отразился классический, сшитый из штампов, образ «совка», который усердно рисовали его разрушители-мародеры: нищета, дефицит, бараки и военщина. Из новых же реалий разве что усилившееся влияние Китая. А так – затерянный мир динозавров, о котором еще кто-то ностальгирует, теща свое ущемленное самолюбие.

Впрочем, альтернативного СССР в романе не так уж и много. Герой книги Алексей Руско едет в немецкую Россию на конференцию, а также в качестве разведчика. Все действие происходит там. Все изменения можно наблюдать в немроссии, в СССР – тотальный застой. Здесь, по европейскую сторону Урала, интересней, именно здесь развернулась альтернативная история или альтернативный взгляд на случившуюся.

В оккупированной России вместо христианства установлен новый культ и отмечается День весеннего равноденствия. Вместо звезд – свастики. НКВД превратилось в Гестапо. Изменилась и топонимика, например, вместо Владимирской – площадь Рудольфа Гесса, вместо Пушкинской – Вагнеровская. Разговорный язык – нем-русский – своеобразное прибалтненное наречие. В деле его становления и популяризации много потрудились телевидение, которое навязывало «историю завоевания новых территорий с упором на освобождение народов, исстрадавшихся под пятой большевиков». Существует в новой России

и проблема мигрантов – «желтых», которые быстрыми темпами размножаются и грозят все заполнить.

Немецкая Россия в романе до боли напоминает нынешнюю реальную. В ней стали витать мысли о воссоединении с СССР. Что это как не наша пресловутая ностальгия?.. С другой стороны, в чижовском СССР о «восстановлении былого величия» мечтает большинство парней. Новые границы – историческая несправедливость, которую необходимо исправить. Новые границы, возникшие при распаде Союза, также воспринимаются как несправедливость. Чижова подспудно делает акцент на том, что ностальгируют по империи молодые люди, которые ее не видели. Для них это своеобразная тоска по античности.

Вот и получается, что книгу Чижовой вполне можно рассматривать не столько в качестве альтернативной истории, а как альтернативную версию случившейся.

Так или иначе, это история разделения. Книга о разделенной стране, которую представляет собой современная Россия – в ней соединяются как минимум две державы: советская и российская. О гражданской войне, которая то тлеет, то стихийно разгорается.

Чижова проговаривает, что Великая Отечественная война постепенно переросла в гражданскую, именно она и разделила страну Уральским хребтом. И пусть эта версия не актуализирована в реальной истории, но по факту она идет параллельно ей подводным течением.

Можно много рассуждать о восприятии истории, которая также, в какой-то мере, сад расходящихся тропок. Но все это будет разговор о той антиутопической конструкции, на основе которой построен «Китаист». Сама же книга не состоялась, она мертва и нелепа. А тут уже необходимо говорить об альтернативных величинах в современной литературе.

Идеологизированная литература производит мертвечину. В последнее время ее становится все больше. Она на потоке. Избавиться от искушения ангажированности все сложнее. Автор спешит лобовой атакой обозначить свою идейную позицию, заявить политическое кредо. Откликнуться развернутым постом, который назовет романом. Идеология наступает и удушает живое и суверенное в литературе. Сами литераторы капитулируют и сдают свой суверенитет.

То, что принято называть главным свойством советской литературы, сейчас материализуется, причем в первую очередь у ее яростных противников. Вирус идеологической заряженности текста вызывает эпидемию. Сейчас мы наблюдаем возвращение идеологической литературы. Такая литература манит вспять, от реализма к постмодерну.